

ИСКАЖЕНИЯ В ПОНИМАНИИ АРМЕЙСКОЙ ДЕДОВЩИНЫ, ИХ ПРИЧИНЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
СЛЕДСТВИЯ

Автор: А. Ю. СОЛНЫШКОВ

СОЛНЫШКОВ Алексей Юрьевич - кандидат социологических наук, преподаватель Авиацонного учебного центра аэропорта Домодедово.

Аннотация. В статье анализируются искажения в теоретических взглядах на различные аспекты дедовщины, их причины; предлагаются более правильные, с точки зрения автора, объяснительные модели, на основе которых делаются практические выводы, некоторые из них обосновываются эмпирическими данными.

Ключевые слова: дедовщина * противодействие дедовщине * неуставные отношения * неформальные социальные отношения * закрытые малые группы принудительной изоляции

На протяжении более чем полувека дедовщина является едва ли не самой острой социальной проблемой армейской жизни. Иной раз до половины времени различных совещаний и собраний уделялось её обсуждению. Так было до тех пор, пока армейский партийно-политический аппарат "отвечал" за состояние воинской дисциплины. В постсоветские годы командиры в своём противостоянии дедовщине остались без "опеки". В этих условиях одни самостоятельно учились противодействовать ей (часто, впрочем, применяя меры противоправного принуждения), другие, не найдя способов ее обуздать, становились сторонниками теорий, оправдывающих собственное организационно-социальное бессилие, объясняя это неистребимостью дедовщины, ибо такова природа человека, её полезностью для воспитания воинов и управления подразделениями, тем, что ее причины - не в армии, и поэтому армия не в состоянии повлиять на функционирование дедовщины.

Стало чуть ли не хорошим тоном указывать среди причин дедовщины такие "объективные обстоятельства", как развал армии, социальная незащищенность офицеров, нежелание молодежи служить, забывая о том, что и в благополучные 1970-е - 1980-е годы в советской армии она также процветала. В дополнение к этому указывалось, что её аналоги существуют и на "гражданке" - в детских садах и школах [см. напр.: 1; 2].

Может показаться невероятным, но для того, чтобы противодействовать дедовщине, требуются несложные умения. Сошлюсь на собственный опыт. Придя в 1981 г. молодым лейтенантом на корабль, я за десять месяцев методом проб и ошибок "набрёл" на удачный алгоритм работы. Реализуя его при содействии офицеров вместе с несколькими матросами, удалось лишить годков¹ неформальной власти в подразделениях [2, с. 192 - 193]. В дальнейшей моей службе, используя накопленный опыт, мне для пресечения годковщины хватало одной-двух недель, а к 1990 г. уже требовалось всего несколько часов в течение двух-трех дней работы. Замечу, что ни один из годков за это время (а занимался я этим с апреля 1982 по апрель 1990 г.) не был привлечен к уголовной ответственности, не подвергся противоправному принуждению с моей стороны или по моему приказанию, и лишь одному я по недоразумению нанес необоснованный вред, о чем до сих пор сожалею.

Дедовщину преодолеть несложно (сказанное не относится к криминальным организациям военнослужащих по призыву, особенно аффилированных с местным криминалитетом). Но для того, чтобы научиться ее преодолевать, надо понимать её сущность и содержание, а для этого, в первую очередь, требуется освободиться от ошибочных идей относительно её природы, содержания и способов функционирования.

Во второй половине 1960-х годов в отечественной военной науке сформировалась социально-психологическая школа А. Д. Глоточкина, ученые которой примерно за полтора десятилетия существенно продвинули науку о противодействии дедовщине [3; 4]. Однако для развития и распространения их знаний требовалось оперировать категориями, несовместимыми с провозглашаемыми идеологическими и политическими постулатами. Поэтому многие исследователи подменяли категории, ёмко отражающие сущность дедовщины, понятиями-эвфемизмами. В результате этого произошло, наряду с прочим, смещение к началу 1980-х годов предмета исследований от феноменов, связанных с функционированием дедовщины, к феноменам, характеризующим отклонения в формальных отношениях военнослужащих по призыву. В исследованиях причина нарушений связывалась, главным образом, с недостатками социального контроля за деятельностью подчиненных [5]. Одним из примеров таких подмен служит изменение смысла понятия "неуставные отношения". Сначала, в 1960 г., вместо неприемлемого слова "дедовщина" Н. С. Кравчун ввел не вполне удачный эвфемизм "неправильные взаимоотношения" [6, с. 48], а в 1964 г. А. Д. Глоточкин вводит более удачный заменитель - "неуставные взаимоотношения" [см. 3]. И если на момент появления этого термина всем посвященным было ясно, что смысл его идентичен понятию "дедовщина", то сейчас - спустя сорок с лишним лет, существует множество его интерпретаций [7, с. 11; 8, с. 3; 9, с. 5 - 8]. Это приводит к терминологической путанице и свидетельствует об отсутствии единого понимания дедовщины и, следовательно, об

отсутствии теории, которая бы удовлетворительно описала ее как целостное явление. Это обстоятельство делает невозможным согласованное противодействие дедовщине на всех уровнях государственного и военного управления.

Тому, что нежелательный "дрейф" предмета исследования не привлек к себе внимание специалистов, способствовало и не слишком строгое соблюдение авторами методологии. Значительная часть научных выводов о "неуставных отношениях" основывается на результатах, полученных в "формирующих педагогических экспериментах". В них исследователи, вне зависимости от методов коррекционного воздействия, всегда добивались значимого снижения уровня неуставных отношений в экспериментальных подразделениях [см., напр.: 10].

Обратимся к методологии. Эксперимент предусматривает выявление характера связи между независимой и зависимой переменными. Это возможно лишь в том случае, если удастся "физически" или "аналитически" удалить (реально - уменьшить до приемлемого уровня) влияние: а) дополнительных переменных - известных исследователю факторов, совместно с независимой переменной изменяющих параметры зависимой переменной; б) побочных переменных - неизвестных исследователю факторов, в ходе эксперимента неизвестным образом действующих на зависимую переменную. "Формирующий педагогический эксперимент", предусматривающий максимально полный охват корректирующими воздействиями испытуемых, с точки зрения методологии исследования, признается одним из наихудших вариантов исследовательского плана. Это обусловлено тем, что удовлетворительно условия "а" и "б" соблюсти в нем почти невозможно. Более того, зачастую именно побочные и дополнительные переменные, возникающие в процессе педагогического взаимодействия в ходе такого эксперимента, вносят наибольший вклад в изменение параметров "зависимой" переменной [см.: 11, с. 82 - 105, 134, 137]. Одним из примеров этого являются "хотторнские эксперименты" Э. Мэйо, в которых внимание к личности испытуемых давало значительно больший прирост производительности труда, нежели варьируемые "независимые переменные" [12, с. 300 - 301]. Анализ ряда исследований дедовщины, построенных в методологии "формирующего эксперимента", позволяет с высокой вероятностью предположить, что в них реально действующий фактор аналогичен факторам, выявленным Э. Мэйо, но в плане каждого конкретного исследования этот фактор может быть отнесен только к категории побочных переменных [см., напр.: 10].

Подступаясь к исследованию дедовщины, следует, по возможности, не допустить методологических уклонений. Полагаю, что термин "неуставные (взаимо)отношения" неудобен в применении, так как характеризуется размытым смысловым содержанием. Более того, он в значении, характеризующим именно дедовщину, характеризует не её саму по себе, а её "проекцию" на другую категорию - "уставные отношения". Очевидно, что такое наименование явления строится на логическом нарушении и запутывает исследователя. Поэтому целесообразно отказаться от термина "неуставные отношения" в пользу "дедовщина".

Дедовщина, как признают все исследователи, существует в неформальных отношениях военнослужащих по призыву². Однако уже в ответе на следующий вопрос - в каком сегменте неформальных отношений она существует? - возникают расхождения. Военные психологи, педагоги, следуя за А. Д. Глоточкиным, характеризуют её как социально-психологическое явление. Военные социологи считают, что дедовщина - это неформальные социальные отношения [13; 14; 15]. Казалось бы, какая разница? Но ответ на этот вопрос определяет меры, необходимые для пресечения дедовщины. Если она - явление социально-психологической природы, то меры её пресечения целесообразно искать в сфере психологии управления, если социологической, потребуются меры социального регулирования. Возможен вариант сочетаемой природы дедовщины - в этом случае рационально предполагать применение психологических и социальных коррекционных мер.

Действительно, в психологии некоторые аспекты отношений дедовщины могут быть исчерпывающе объяснены и предсказаны. В частности, примененная А. Д. Гло-

точным (и его учениками) теория психологического отношения личности, сформулированная и развитая в школах В. М. Мясищева и А. А. Бодалева [16], позволила ему обнаружить личностную особенность активного организатора и участника дедовщины: потребительское отношение к сослуживцам, приоритет негуманистических ценностей, стремление использовать сослуживца как объект для личного самоутверждения [17, с. 254].

Но дедовщина, как целостное явление, не нашла корректного объяснения в категориях социальной психологии. Более того, концепции дедовщины, созданные военными психологами в конце 1980-х годов, привели к её упрощенному пониманию [18]. Например, "...все социально-психологические явления в рамках психологии коллектива рассматриваются как отражение деятельности коллектива, охватывающей все сферы его жизни. Тогда очевидна задача такой организации всех видов деятельности подразделения, чтобы на выходе была требуемая психология воинского коллектива, в которой бы не нашлось места неуставным взаимоотношениям, что и означало бы сплочение личного состава на нравственной основе" [7, с. 38]. Верны ли эти утверждения? Если да, то в "правильных" условиях воинской деятельности чуть ли не автоматически должна происходить новая (вторичная?) и "правильная" социализация личности путем интериоризации индивидом общественного опыта. Или, всё-таки, наоборот - в поведении субъекта экстериоризируется его личный опыт, социальные знания и умения, ценности, потребности, преломленные через отражение им его текущей ситуации? Кстати, возможно ли обеспечить такую организацию "всех видов деятельности подразделения, чтобы на выходе была требуемая психология воинского коллектива, в которой бы не нашлось места неуставным взаимоотношениям"?

По-видимому, обеспечить "такую организацию" прежде того, как будет ликвидирована дедовщина, невозможно. Согласно Э. Мэйю, неформальные отношения являются дополнительным каналом удовлетворения потребностей членов организации, не удовлетворяемых в официальных отношениях [12, с. 301]. Р. Мертон делает вывод, что создать организацию, в которой через формальные отношения можно было бы осуществлять весь спектр реально действующих отношений, в принципе невозможно [19, с. 164 - 183]. По Э. Мэйю и Р. Мертоу хороший менеджмент учитывает эти обстоятельства и институционализирует некоторые из практикующихся в организации нарушений формальных норм. Кроме того, хороший менеджмент распространяет социальное управление на сферу неформальных отношений, осуществляя управление ими в двух направлениях: а) удовлетворяя потребности членов организации, которые не могут быть удовлетворены через формальные отношения и которые не нарушают интересы других членов организации и организации в целом; б) блокируя возможность реализации в неформальных отношениях тех потребностей членов организации, которые нарушают интересы других членов организации и/или организации в целом. В этом случае неформальные отношения, дополняя формальные, не противоречат интересам организации в целом.

Плохой социальный менеджмент, не учитывающий это, удовлетворяет только те потребности подчиненных, обязательность удовлетворения которых указана в формализованных документах, а также оставляет сферу неформальных социальных отношений вне управления, что приводит к накоплению и усугублению отклонений, которые, нарастая, могут войти в противоречие с интересами организации и/или её членов [12; 19]. Р. Мертон указывает, что попытка бороться с нежелательными неформальными отношениями с целью их ликвидации, не переложив их латентную социальную функцию на альтернативную социально желательную структуру, обречена на неуспех. В случае борьбы формальной структуры организации с неформальной среди участников последней формируется конфронтационное отношение к формальной структуре, её целям и ценностям. В неформальных отношениях ужесточаются групповые нормы и санкции за отступление от них, что приводит к социальному неравенству внутри неформальной группы, при этом наиболее конформные члены группы получают социальное преимущество [19, с. 179 - 184].

Р. Мертон, М. Шериф отмечают, что чем более ограниченными оказываются свободные материальные, социальные и духовные ресурсы в организации, тем более закрытой оказывается организация, и чем слабее между членами организации социально-психологические связи, тем жестче оказывается конкурентная борьба за ресурсы внутри группы, включающей участников неформальных социальных отношений [19, с. 409 - 412, 508; 20]. Из этого легко сделать вывод, что чем активнее командование подразделения будет стремиться насадить "идеальную" организацию, тем более группа будет сплываться и закрываться, тем более жесткие санкции будут применяться к отступникам, тем легче будет "дедам" сохранять влияние на всех участников неформальных отношений. Практическим доказательством данного вывода служит неудачная попытка внедрения в конце 1980-х годов "Методики поэтапной профилактики неуставных отношений" [21], выстроенной вокруг идеи примата идеальной организации.

А вот пример альтернативного подхода к профилактике нарушений дисциплины -размышления ротного командира Н. Д. Бутовского: "...известно, что мера для предотвращения зла наиболее полезна та, которая не паллиативна, то есть, если не залечивая верхушек зла, она влияет непосредственно на корень. Так, начальник, формально относящийся к требованиям дисциплинарного устава, то есть, не оставляющий проступков своих подчиненных без взысканий, но худо знающий их как людей, не искореняет зла. Такой начальник будет карать только одни отпрыски зла, выражающиеся в отдельных проступках, нисколько не подозревая, что корень, например, гнездится в дурном выборе им же назначенных унтер-офицеров... Одни карательные меры весьма мало влияют на уменьшение проступков против дисциплины и нравственности. В этом случае полезнее всего... постараться выдвинуть хорошие элементы и обессилить дурные... Во всяком обществе, в том числе и в солдатском, всегда бывают господствующие взгляды, дающие тон всей жизни этого общества. Характер таких взглядов зависит от вожakov данного общества... Если эти люди хороши, то дурной элемент в роте, в лице неисправимых людей, будет находиться под постоянным давлением и будет, так сказать, обессилен" [22].

Возможно, неудача психологов в выработке теоретической модели дедовщины обусловлена тем, что она не является социально-психологическим явлением? Выяснить, к какому сегменту неформальных отношений следует ее отнести - социально-психологическому или социальному, поможет анализ результатов исследования межличностных отношений, проведенных М. Ю. Кондратьевым в закрытых малых группах принудительной изоляции: в отрядах несовершеннолетних заключенных, в группах воспитанников детских домов для сирот и интернатов для одаренных детей [23; 24]; к этому же типу малых групп относятся и подразделения военнослужащих по призыву. Он организовал исследование в соответствии с психологической концепцией трехфакторной модели "значимого другого" [25] и указал, что в первых двух типах и, отчасти, в третьем типе групп официально задаваемая деятельность является единственной и безальтернативной, не ориентирована на потребности членов группы, имеет низкую или отрицательную значимость для всех или большинства членов группы [23, с. 57 - 58]. В таких группах первоначально их члены являются равными друг другу, и между ними существуют неформальные социально-психологические межличностные отношения, которые характеризуются тремя независимыми друг от друга компонентами (симпатия-антипатия, референтность-антиреферентность, власть-подчинение). Однако скоро в них формируется новая структура отношений, основанная на власти и поглощающая, преобразующая, прекращающая значительную часть социально-психологических отношений. Здесь отношения между членами группы определяются только тем, какую позицию к власти занимает тот или иной член группы. Субъекты власти оказывались референтными для подвластных в силу появления у них властных прав и антипатичными, вызывая у подвластных страх и ненависть. Подвластные - нереперентными (по причине своей безвластности) и антипатичными для субъектов власти, вызывая у последних чувство презрения³. Формально социально однородная

группа подразделялась на четыре неформальные страты, жестко отграниченные друг от друга. Первая - субъекты власти, вторая - агенты субъектов власти, имеющие ограниченные властные права и меньшие свободы распоряжаться подвластными, третья - подвластные, обладающие четко определенным и довольно значительным объемом личных свобод, не нарушающих властные права членов "верхних" страт, четвертая - подвластные, лишенные значительной части неформальных прав и личных свобод, в том числе права на личное достоинство.

Исследователь указал, что основным содержанием межстратных отношений является отчуждение, присвоение и потребление представителями двух высших страт благ, создаваемых или принадлежащих представителям низших страт, а также насилие, применяемое для удержания подвластных в навязанных им внутригрупповых позициях. Он также отметил, что личностные достоинства или недостатки члена группы не влияют на его принадлежность к страте, его место в одной из страт обуславливается его способностью подчинять себе других членов группы и соблюдением им неформальных, но жестких норм поведения и отношений. Обычные межличностные отношения из трех взаимонезависимых компонентов сохраняются только внутри страты между её членами. На основе этого он сделал вывод о том, что в группе существует неофициальная институционализованная структура отношений с жестко заданными статусами, правами и обязанностями и с жесткими нормами взаимоотношений. К нарушителям статуса и норм поведения применяются угрозы и наказания в виде насилия и лишений. В группах такого типа продвижение вверх по статусной "лестнице" сопрягается с большими трудностями, зато понизить статус оказывается легко, так как существует большое число неписаных норм, за нарушение которых лишают статуса и соблюдение которых требует постоянной мобилизованности [23, с. 25 - 34].

Значимость социально-психологического исследования М. Ю. Кондратьева для социологии неформальных отношений в малой группе в том, что он показал: а) условие преобразования неформальных социально-психологических межличностных отношений в неформальные социальные отношения - модуляция (неформальными) властными отношениями остальных отношений в группе; б) признак, обозначающий границу между неформальными межличностными социально-психологическими и неформальными социальными отношениями - появление в группе социальной стратификации; в) указал тип группы, в которой неформальные властные социальные отношения являются основными и определяющими для остальных отношений - закрытые малые группы принудительной изоляции⁴; г) доказал, что факторами, обеспечивающими стабильность такой социальной организации, являются насилие и угроза насилия, применяемые субъектами власти и их агентами к подвластным, и невозможность для подвластных покинуть группу из-за того, что все её члены входят в принудительно закрытую формальную социальную группу. Сходные данные о неформальной социальной структуре и содержании социальных отношений в закрытых группах приводят В. Ф. Пирожков на примере молодежных криминальных групп, А. Н. Олейник на примере криминальных организаций [26]; И. М. Отмахов, исследовавший взаимоотношения среди военнослужащих, проходящих службу в дисциплинарных частях за воинские преступления [27, с. 86 - 90], И. В. Образцов и С. А. Белановский, изучающие "неуставные взаимоотношения" [13; 15]. Все исследователи дедовщины или неуставных отношений указывают на существование в них стратификации по срокам службы, при этом в последние годы (с начала 1990-х годов) практически, все авторы характеризуют такую стратификацию как социальную. Так, например, И. В. Образцов, А. Г. Тюрников, Д. В. Клепиков, Н. И. Марченко, Ю. А. Кретов однозначно квалифицируют "неуставные отношения", "дедовщину" как неформальные социальные отношения военнослужащих, проходящих службу по призыву. Таким образом, можно сделать вывод о том, что дедовщина является неформальными социальными отношениями в закрытых малых социальных группах принудительной изоляции среди военнослужащих по призыву.

А как моделировать эти неформальные социальные отношения - как отношения, детерминированные исключительно социальными причинами, или как социальные от-

ношения, в которых также экстерииорируются личностные (психологические) потенциалы участников этих отношений? Приходится констатировать, что среди тех, кто обучает будущих офицеров противодействию дедовщине, встречаются мыслители, опирающиеся на теоретические высказывания Э. Дюркгейма того периода его творчества, когда он активно и небезболезненно пытался отмежевать социологию от социально-психологической науки, удаляя из неё всё, что связано с действием психологического фактора⁵. По моему мнению, такой подход страдает механистичностью, препятствует пониманию дедовщины как социального явления и затрудняет приобщение к социологическим знаниям о дедовщине, содержащимся в работах военных психологов.

Обращение к теоретическому положению М. Вебера о едином субъект-объектном социальном пространстве, в котором субъективные категории реализуются как социальные категории и теории Т. Парсонса о системе социальных действий [28], которая объясняет поступок актора как результат взаимодействия компонентов внешней, его внутренней среды и среды его интериоризированного опыта, позволяет утверждать, что причина поступка выходит за границы текущей социальной ситуации вокруг субъекта и также обуславливается его внутрилличностными процессами. Применение положений П. Бурдьё о габитусе существенно упрощает теоретическую модель Т. Парсонса и позволяет выделить циклы взаимодействия субъекта с социальной средой, в каждом из которых чередуются процессы интериоризации субъектом социального опыта и экстерииоризации им личностного потенциала в социальной деятельности.

Структуры габитуса, произведенные прошлым опытом агента, постоянно строят его новый опыт; в свою очередь, новый опыт трансформирует его исходные структуры [29, с. 101 - 102]. "В качестве системы ...схем восприятия, оценивания, мышления и действия, габитус является "порождающей основой" практик... У агентов, обладающих одинаковым габитусом, не возникает нужды в согласовании для того, чтобы действовать аналогичным образом... В основном коллективные практики обязаны своей связанностью и единством эффекту габитуса. Именно он составляет для агентов, находящихся в сходных социальных условиях, одновременно и принцип, производящий спонтанные... практики, и принцип классификации практик других агентов" [30, с. 66 - 67].

Из концепции П. Бурдьё следует, что содержание поступков разных людей в общей для них объективной ситуации зависит от прошлого опыта каждого из них. Из этого вытекает различие векторов социальной направленности действий разных участников одной и той же ситуации. Раз так, то и среди "молодых" жертв дедовщины, и среди "дедов" должны быть, по меньшей мере, три группы военнослужащих: апологетически, конформно и оппозиционно относящихся к дедовщине. Причем персональный состав каждой из групп в течение всей службы не должен существенно меняться. Среди "молодых" военнослужащих такие группы были впервые описаны в работах психолога Ж. Г. Сенокосова и социологов С. А. Белановского и И. В. Образцова [см.: 31, с. 113 - 117; 13; 15]. Но никто из социологов до последнего времени не изучал социальную направленность личности старослужащих воинов. Вместе с тем, в трудах А. Д. Глоточкина и его учеников находим, что в характеристиках старослужащих есть весь спектр (от позитивного до отрицательного) социальных направленностей личности, но психолого-педагогическая ориентированность этих работ выводит на периферию исследования феномен, значимый для социологии дедовщины [см.: 3; 4].

В наших исследованиях на репрезентативной выборке было обнаружено, что около 2,5% респондентов имеют острую потребность в безграничном подчинении себе зависимых военнослужащих, около 9% положительно относятся к личному участию в дедовщине⁶, около 13,5% (от 7,6 до 16,3%) декларируют апологетическое отношение к нормам и ценностям дедовщины⁷. Среди старослужащих выразили резко отрицательное отношение: к нормам и ценностям дедовщины (13,7%), к личному участию в дедовщине (49,7%), к безграничному подчинению себе "молодых" (64,9%). У "молодых" не сильно отличающиеся показатели - резко отрицательно относятся к нормам

и ценностям дедовщины (17,3%), к личному участию в дедовщине (68,4%), к безграничному подчинению себе подвластных (63,3%) [8; 32]. То есть, диаметрально смена социальной позиции респондента - от жертвы насилия, лишений и издевательств до потребителя благ от дедовщины - не очень значительно или почти не влияет на направленность диспозиции военнослужащего.

Анализ этих величин позволяет сделать вывод о том, что личностный потенциал, обуславливающий то, кем станет военнослужащий - активным и инициативным сторонником дедовщины, или последовательным её противником, формируется до прихода на военную службу, и за время службы диспозиция меняется несущественно или вообще не меняется. Другой вывод - число апологетов и активно заинтересованных в дедовщине невелико - в среднем не более 1/7 части военнослужащих, при этом наиболее заинтересованных в дедовщине еще меньше - примерно 1/40 часть военнослужащих. Третий вывод - последовательные противники дедовщины есть во всех призывных категориях, их не меньше, скорее больше, чем сторонников данного явления.

Последний вывод обосновывает возможность опереться (в большей или меньшей мере) в противодействии дедовщине на военнослужащих из всех призывных категорий. Впрочем, двигателями противодействия дедовщине будут "молодые", а вот младших командиров можно назначить и из лучших старослужащих. Активно препятствовать этой борьбе будут не сторонники дедовщины во всех призывных категориях, но только сторонники дедовщины из старослужащих - те, кто уже имеет статус неформальных "хозяев" в подразделении. Но и эта социальная группа может быть разобщена - среди апологетов дедовщины значительная часть предпочитает не отвоёвывать у командования свои "дедовские" права, рискуя понести наказание, а только пользоваться ими тайно от командиров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Флотский аналог дедовщины.

² Точнее, она существует в неформальных отношениях среди членов низового социального слоя в организации, к ней могут примыкать представители более высокого социального слоя, для которых ценности низового слоя являются более референтными, нежели официально провозглашаемые ценности организации. Однако это обобщение не является, в данном случае, принципиально важным, так как солдаты (и, как правило, сержанты), служащие по призыву, являются низовым социальным слоем в формальной структуре подразделения.

³ М. Ю. Кондратьев отмечает существование, наряду с этим, высокой утилитарной значимости низкостатусного в качестве полезного объекта для корыстного использования.

⁴ Исследования В. Ф. Пирожковым молодежных криминальных групп и А. Н. Олейником организаций типа мафиозных, показывают, что в любых закрытых группах, конфронтирующих с окружающей их социальной средой и вынужденных "закрывать" от неё, возможно формирование аналогичной социальной структуры [см.: 26].

⁵ "Социальные факты - по Э. Дюркгейму - способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются" [27].

⁶ Количественные значения со сроком службы не коррелируют.

⁷ Доля тех, кто декларирует апологетическое отношение к дедовщине, максимальна среди "молодых" и "дедов", минимальна у военнослужащих средних сроков призыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фельгенгауэр П.* Иванов рассуждает на уровне детского сада. Он понял, откуда в армию приходит дедовщина // Новая газета, 2006. 20 февраля; Дедовщина - садизм, принесенный в армию с "гражданки": Интервью с начальником Генштаба Ю. Балуюевским // Аргументы и факты. 2006. N 4.
2. *Солнышков А. Ю.* Как я защищал молодых матросов // Индекс. Досье на цензуру. 2006. N 24.
3. *Глоточкин А. Д.* Формирование взаимоотношений в воинском коллективе (взвод, рота) на основе требований воинских уставов: Дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1964.
4. *Каширин В. П.* Психология самоутверждения личности в военно-морском курсантском коллективе: Дис. ... канд. псих. наук. М.: ВПА, 1979; *Китов А. И.* Психологические основы предупреждения нарушений воинской дисциплины: Дис. ... канд. псих. наук. М.: ВПА, 1967; *Лазарев В. П.* Управление

- социально-психологическим климатом корабельного коллектива: Дис. ... канд. псих. наук. М.: ВПА, 1981.
5. *Ковалев В. Н.* Социалистический воинский коллектив (Социологический очерк). М.: Воениздат, 1980;
 - Бородин М. И.* Проблемы научного управления социальными процессами в воинском коллективе. М.: ВПА, 1981.
 6. *Кравчун Н. С.* Пути сплочения воинского коллектива // Труды Академии / Военно-политическая академия им. В. И. Ленина. М., 1960. N 32.
 7. *Сьедин С. И., Крук В. М.* Дедовщина в воинских коллективах: причины, пути выявления и искоренения (социально-психологический аспект). М.: ВПА, 1990.
 8. *Солнышков А. Ю.* Неформальные отношения военнослужащих, проходящих службу по призыву в ситуациях управленческого взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2008.
 9. *Хомяков А. И.* Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: Уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2002.
 10. *Полевой Ю. В.* Психологические особенности становления сержантов в воинской части: Дисс. ... канд. псих. наук. М., 1989; *Васильев Ю. С.* Совершенствование процесса педагогической профилактики неуставных отношений во внутренних войсках МВД РФ: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2001.
 11. *Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2001.
 12. *Занковский А. Н.* Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности "Организационная психология". 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2002.
 13. *Белановский С. А.* Метод интервью в исследованиях экономических процессов: Дис. ... докт. соц. наук, (в форме научного доклада). М., 1994.
 14. *Меркулов И. В.* Происхождение и сущность дедовщины в армии // Социол. исслед. 1993. N 12. С. 109-112; *Клепиков Д. В.* Дедовщина как социальный институт: Дис. ... канд. соц. наук. СПб., 1997; *Anion Oleynik.* Dedovshchina as an Element of the "Small Society": Evidence From Russia and Other Countries // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies / An electronic journal of social sciences. Issue. 1. 2004. Dedovshchina: From Military to Society // www.pipss.org.
 15. *Образцов И. В.* Неуставные взаимоотношения: сущность, формы проявления и профилактика. Учебно-методическое пособие. М., 1994.
 16. *Мясищев В. Н.* Психология отношений. М., Воронеж, 1995; *Бодаев А. А.* Об изучении общения // Психология общения: Обзорная информация. Вып. 3. М., 1978.
 17. *Глоточкин А. Д.* Социально-психологические проблемы формирования первичного коллектива.: Дисс. ... доктора псих. наук. М., 1972.
 18. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность М.: Политиздат, 1975; *Петровский А. В.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. Вып. 4. С. 17 - 30.
 19. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 29.
 20. *Sherif M.* Group conflict and cooperation: their social psychology. London, 1966.
 21. Методика поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений в подразделении. М.: Воениздат, 1987.
 22. *Бутовский Н. Д.* О казарменной нравственности и о внутреннем порядке в войсках (заметки ротного командира) Публикация 1884 г. // Информационно-методический сборник ЦВСППИ ВС РФ, 1993. N4. С. 60 - 61.
 23. *Кондратьев М. Ю.* Психология межличностных отношений подростка в закрытых учебно-воспитательных учреждениях: Дис. (в виде научного доклада) ... докт. психол. наук. М.: РАО ИРЛ, 1994.
 24. *Кондратьев М. Ю.* Подросток в замкнутом круге общения. М.: Издательство "Институт практической психологии". Воронеж: НПО "МОДЭК", 1997.
 25. *Петровский А. В.* Трехфакторная модель "значимого другого" // Вопросы психологии. 1991. N 1. С. 7 - 18.
 26. *Пирожков В. Ф.* Криминальная субкультура учащихся - подростков и юношей: Дис. (в виде научного доклада) ... докт. психол. наук. М., 1992; *Олейник А. Н.* "Малое" общество: теоретическая модель и эмпирические иллюстрации // Мир России, 2004. N 1. С. 49 - 90.
 27. Словарь по общественным наукам. Глоссарий.py // slovari.yandex.ru/dict/gl_social/article.
 28. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избр. произв. М., 1990. С. 602 - 633; *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 462 - 478.
 29. *Bourdieu P.* Raison pratiques. Sur la theorie de l'action. Paris: Ed. de Seuil, 1994.
 30. *Шматко Н. А.* "Габитус" в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, Том 1, N 2. С. 60 - 70.
 31. *Сенокосов Ж. Г.* Социально-психологическая адаптация молодых солдат к воинской службе. Дисс. ... кандидата псих. наук. М., 1989.
 32. *Солнышков А. Ю.* Социальные причины армейской дедовщины // Социол. исслед. 2007. N 4. С. 108- 114.